

Жизнь и дело Марии Тенишевой

Великое наследие отечественной культуры досталось нам как бы даром. Если вам доставляют радость драгоценные реликвии музеев, то спросите себя, кто это все собрал? Кто построил для них великолепные залы? Но мы не знаем тех, кто создавал даже самые крупные художественные музеи. Или знаем так мало, что становится стыдно, когда дети начинают нам задавать вопросы.

Помянем добром имя княгини Марии Клавдиевны Тенишевой — создательницы единственного в России музея «Русская старина» в Смоленске и когда-то широко известного художественного центра Талашкино. Подобно подмосковному имени Саввы Мамонтова, Абрамцеву, собирались в Талашкине на рубеже нашего века лучшие творческие силы России на общую созидательную работу. Как и Мамонтов, княгиня поддерживала журнал «Мир искусства», помогала многим талантливым художникам — Александру Бенуа, Виктору Васнецову, Михаилу Врубелю... Но имя Мамонтова на слуху, тогда как о Тенишевой почти никто не вспоминает. А современники называли ее «гордостью всей России», «героиней нашего времени». Нет леги в этих словах. С восторгом отзывались о ней очень многие — Чайковский, Рерих, Врубель... Это ли не лучшая рекомендация?

Красивая, образованная, живая, с острым веселым языком, щедрая от избытка сил и дарований, которыми не жаль ей было поделиться со всеми, кто нуждался в поддержке и был достоин ее внимания.

Медаль
в честь передачи музея
«Русская старина»
смоленскому филиалу
Московского
археологического
института

Среди многих ее талантов выделялся один наиредчайший — умение расположить к себе самых замечательных людей своего времени. А потому кто бы ни взялся о ней писать, столкнется с необходимостью изучить жизнь эпохи, в которой она жила, жизни многих, многих людей, с которыми она общалась. В доме княгини Тенишевой, кроме художников и музыкантов, бывали профессора — историки, археологи, как Адриан Викторович Прахов, Владимир Ильич Сизов, крупные государственные деятели, например, наставник императора Николая II и великих князей, обер-прокурор Святейшего Синода, член Французской академии наук Константин Петрович Победоносцев. Александр Бенуа утверждал в своих воспоминаниях, что Победоносцев питал к Марии Клавдиевне нежные чувства. Похоже, что и Репин, и Сергей Малютин, да и сам Бенуа не были равнодушны к ней, как к женщине. История

жизни княгини — это большой роман, переплетающий воедино и частное, и историческое.

Иван Сергеевич Тургенев очень любил слушать ее рассказы о жизни в доме матери, о замужестве, об учебе в Париже и всякий раз говорил: «Эх, жаль, что я болен и раньше вас не знал. Какую бы интересную повесть я написал...» Не написал Тургенев повести, не смог оправиться от болезни и в 1883 году умер под Парижем, по воспоминаниям Тенишевой, совершенно покинутый, среди чужих равнодушных людей.

А что ее привело в это время в Париж? Госпожа Николаева (княгиней Тенишевой она станет после второго брака) училась тогда вокальному искусству в прославленной школе Маркези, давшей мировой сцене много оперных звезд. К Маркези на концерты воспитанниц школы приезжали Рубинштейн, Гуно и прочие музыкальные знаменитости. Училась она очень успешно. Ей прочили блестящую карьеру, предлагали выгодные ангажементы на европейских сценах, лично Маркези хлопотала о ее будущем, но она уезжает в Россию. Никто не мог понять, почему после стольких унижений на родине она все же вернулась. Когда-то она рвалась в Париж. Ей отказали в средствах, не давали ребенка, паспорт, грозили лишением наследства... Но бесполезны были уговоры и окрики. Тайком, продав часть мебели в петербургском доме за 5000 рублей, она с дочкой уехала в Париж, чтобы стать профессиональной певицей.

Да, она вернулась, но совсем другой. Прослулась ее смелая вольная душа. Не желала она больше бояться гнева и капризов матери, которая никак не могла простить дочери ее нежеланного появления на свет (ходили слухи, что отцом Маши был император Александр II). Не хотела она больше мириться с тем, что ее муж, молодой, здоровый мужчина, после очередной неудачи в карточной игре валяется на диване в привычном бездействии, ко всему на свете равнодушный. Невыносимо ей теперь было видеть, как он унижается, выпрашивая деньги у родственников или у ее матери и, что еще хуже, заставляя ее брать деньги у чужих людей.

Нелюбимая была она в доме матери, одинокой чувствовала себя в доме мужа. После счастливой жизни в Париже, после общения с талантливыми людьми зачем вернулась она в среду малокультурных, эгоистичных людей, презирающих все, что ей дорого, — музыку, искусство, книги? Никому не могла она объяснить, что творится у нее в душе. Только одной дальней родственнице открыла она сердце, когда та ее спросила: — Боже мой, да чего же тебе еще надо? Ты хотела петь и научилась, поешь как настоящая артистка.

— Что надо?.. Я еще не знаю... Я считаю, что ничего я в жизни не сделала. Пение? Это забава, увлекательное занятие... Не этого хочет душа моя. Нет, артистическая карьера это пустой звук. Предположим, что мне даже придется по необходимости пойти на сцену, но какая же это деятельность?.. Что я там могу сделать? За границей я хорошо посмотрелась на этот омут, называемый театральным миром. Великие таланты редки, а они одни только могут его преодолеть, да и то какой упорной борьбой... Есть, конечно, путь, которым легко приобрести успех и театральные лавры для актрисы, и многие им пользуются без стеснения — продажа, потому

что иначе при современных театральных нравах она ничего не добьется и умрет с голоду. Если она порядочная женщина или дура неумелая, то будь она со звездой во лбу, с месяцем под косой, ей все-таки ходу не дадут. Нет, артистическая карьера — это звук пустой... Помнишь, как сказал Муравьев: «Полезным можно быть, не бывши знаменитым, — сметают счастье и по тропинкам скрытым...» Меня влечет куда-то... До боли хочется в чем-то проявить себя, посвятить себя всю какому-нибудь благородному человеческому делу. Я хотела бы быть очень богатой для того, чтобы создать что-нибудь для пользы человечества. Мне кажется, я дала бы свои средства на крупное дело по образованию народа, создала что-нибудь полезное, прочное...

А пока у нее не было средств даже на то, чтобы получить художественное образование, о котором она теперь мечтала. Мир идеального манил ее к себе. Самые сильные впечатления в детстве доставляли ей картины, среди которых жила она в доме своего отца барона фон Дезена в Петербурге.

Был у нее свой «музей» — коллекция разных мелких художественных безделушек, которые она прятала в особый шкафчик и запирала на ключик... Этот заветный шкафчик был для нее святой святых. В нем же хранила она, укладывая в ватку, мелкие восковые фигурки — все избранное, любимое.

Многое из того, о чем мечтала она с детства и позднее, когда стала понимать жизнь, сбылось. Судьба ее изменилась, когда стала она княгиней Тенишевой. Князь Вячеслав Николаевич Тенишев встретил молодую певицу с красивым голосом на одном из музыкальных вечеров. Очарованный, не отходил от нее целый вечер, домой отправил в своей карете. А на следующий день прислал огромную корзину белых ландышей. В записках кня-

гини «Впечатления моей жизни» о князе читаем: «Меня подкупило в нем то, что он был совершенно несветский, серьезный, образованный человек, но больше всего — его сильный независимый характер. Для него не существовало ни предрассудков, ни препятствий в достижении раз поставленной цели. Редкий тип человека, настоящий самородок!»

Придет время, и вспомнят великие заслуги князя Тенишева в развитии просвещения и промышленности в России. Его прозвали русским американцем, поразились размаху его разнообразной деятельности. Он строил железные дороги, участвовал в создании первого автомобильного завода, был председателем акционерного общества двух крупнейших заводов — Брянского и Путиловского. В Орловской губернии содержал два лесопильных завода, вырабатывал породистых рысаков на нескольких конезаводах. Будучи человеком практичным, князь придавал большое значение точным наукам. Занимался этнографией, археологией. Издал книги: «Математическое образование и его значение» (1886), «Деятельность животных» (1889), «Деятельность человека» (1897). Многие годы собирал он материалы для книги «Русская народная медицина». Она была издана в 1903 году — в год его смерти.

По-своему, глубоко понимал он роль искусства, не как воздушную необязательную надстройку над общественным зданием, а как способ рациональной, гармонически организованной жизни. Само по себе художественное творчество считал он забавой, не дающей никакой пользы обществу. Князь профессионально играл на виолончели — был учеником известного педагога К. Давыдова. Но любил повторять, что мыслящему человеку хватает времени и на дела, и на увлечения, а быть исключительно музыкантом недостаточно и унижительно. И уговорил-таки вио-

лончелиста Давыдова поступить на службу в банк.

В 1896 году в Петербурге на Моховой князь построил реальное училище. Он истратил целый миллион, чтобы на примере своего училища показать, как должно быть поставлено образование юношества. На первом месте стояли точные науки, но педагоги поощряли в учениках все дарования. Из знаменитого Тенишевского училища вышли писатель Набоков, художники Бруни и Купреянов, поэт Мандельштам.

Во всем князь был человеком передовых взглядов, как это принято говорить, кроме женского вопроса. Идеи об эмансипации его совсем не трогали. Женившись во второй раз в зрелом возрасте, мечтал он в своем доме видеть молодую нарядную хозяйку, веселую и беззаботную.

Но деятельный и решительный характер княгини требовал какого-то большого дела, в которое можно было бы вложить все силы, всю жизнь. Получив титул, богатство, Мария Клавдиевна могла теперь существенно влиять на ход культурной жизни России. Когда создавался музей имени императора Александра III в Петербурге (сегодня это Русский музей), княгиня подарила музею свою уникальную богатую коллекцию графики, которая включала в себя вместе с рисунками и акварелями современных художников акварели старых мастеров, считавшиеся очень большой ценностью, — Брюллова, Орловского, Соколова. Музей Александра III был открыт в 1898 году. А в 1910 году княгиня передала музею еще шестьдесят работ — Васнецова, Рериха, Малютина, Поленовой, Коровина, Библина.

Вместе с мужем Мария Клавдиевна организовывала и представляла Русский отдел на Международной выставке в Париже в 1900 году. Правительство назначило князя Тенишева комиссаром выставки. На его плечи легли технические и финансовые во-

Музей
«Русская старина»
в Смоленске
Фрагмент фасада

просы, княгиня распределяла заказы художникам. Выставка готовилась долго и основательно, привлечены были лучшие художественные силы. Большое значение придавалось устройству Кустарного отдела, в котором впервые Западу показали русское народное творчество. Княгиня должна была проводить приемы для гостей, потчевать их и развлекать. В музыкальных концертах, которые она устраивала на Елисейских полях, принимали участие Шаляпин, Андреев со своим балалаечным оркестром.

Французское правительство осталось довольно и наградило князя Тенишева орденом Почетного легиона. Заслужили лавры и художники. Михаил Врубель — золотую медаль, Александр Головин — серебряную, Константин Коровин — золотую и серебряную медали и орден Почетного легиона.

Крупным событием в художественной жизни России было появление журнала «Мир искусства» в 1898 году. Когда Сергей Дягилев проектировал журнал, он обратился за деньгами к двум крупнейшим ме-

ценатам — Мамонтову и Тенишевой. Мамонтов вскоре разорился, а княгиня продолжала субсидировать журнал несмотря на то, что Дягилев и Бенуа совершенно игнорировали два принципиальных ее требования: не затевать художественных баталий и географически ограничиться только Россией, так как в поддержке более всего нуждались свои молодые художники. Обе позиции — Тенишевой и ее строптивых соратников — уживались на страницах «Мира искусства». Благодаря этому журнал поднялся на уровень общеевропейский.

Однако княгиня Тенишева о своей поддержке журнала вспоминала с грустью. Легко понять гордую женщину, которая из-за «Мира искусства» пережила не одну неприятную ссору с мужем. Князь Тенишев не препятствовал желанию Марии Клавдиевны вместе с Репиным открыть рисовальную школу в Петербурге, народные столовые, магазин для рабочих его заводов, ремесленные мастерские, но художественный журнал считал ненужной затеей. К художникам с именами, приходившими в его дом, он относился снисходительно, как ко всякой «богеме». Уважал он только Виктора Васнецова, сумевшего нажить себе состояние. Князь посмеивался над портретами жены, сделанными Репиным, Серовым, Паоло Трубецким в новой, свободной манере, и вообще о современных художествах был очень невысокого мнения. И когда княгиня попросила у него денег для «Мира искусства», возмутился, сказал, «что эти господа художники еще раз хотят надуть тебя, им наплевать на твой возвышенный вкус, а нужны только деньги». Что же княгиня? К тому времени она уже хорошо изучила характер князя и знала, что в качестве деловой женщины вызывает у мужа одни насмешки. Но как просто женщина могла себе позволить любой каприз. Князю доставляло огромное наслаждение

тратить деньги на жену, он, не задумываясь, швырял сотни тысяч на меха, бриллианты, жемчуга...

На следующий день княгиня пришла в кабинет уже не как просительница, а как повелительница и сказала, чтобы деньги были, добавив: «Я так хочу!» Князь встал на колени, поцеловал ее руку и на французском языке сказал: «Княгиня, ваше желание — мое желание».

Тенишева не только финансировала журнал, но стремилась к идейному руководству им. Она видела, что без серьезного художественного критического журнала в России нет постоянной связи между художником и обществом. Передвижники уходили со сцены, но еще претендовали на лидерство в искусстве, задерживали развитие новой национальной школы. Задачу журнала видела она в том, чтобы вывести на сцену новые молодые таланты и показать их всему миру. Непростое это было дело. Когда готовился первый номер, Тенишева в письме к Бенуа писала, что «работы масса, поскольку дело должно быть сделано великолепно, иначе нас заклюют и тогда мы пропали». Княгиня не жалела сил и средств на художественное оформление журнала, пытаясь довести до совершенства его обложку, иллюстрации, шрифт. Главным редактором журнала был Сергей Дягилев, выступающий с очень острыми выразительными статьями по общим проблемам искусства. В одной из статей он писал: все кричат сегодня об упадке искусства, так где же тот пьедестал, с которого оно упало? Это была программная идея журнала — доказать, что пришли новые молодые прекрасные художники на смену старому — так и должно быть. Сотрудничали с журналом художники Валентин Серов, Александр Головин, Константин Коровин, Александр Бенуа, Николай Рерих, Илья Репин. На высочайшем уровне была художественная критика Дмитрия Мережков-

ского, Дмитрия Filosofova, Александра Бенуа.

Журнал устраивал свои выставки. Вместе с Дягилевым княгиня Тенишева была организатором сенсационной выставки «Мира искусства» в 1899 году. Стоила она им больших средств и огромных трудов. В Париже объехали они всех коллекционеров, художников, собирая картины французских мастеров — Больдини, Уистлера, Боннара, Дега, редчайшие образцы хрустала Тиффани, ювелирные работы Лалика. В России эти имена мало кто слышал.

Выставка наделала много шума. Открытие состоялось очень торжественно, в присутствии членов императорской фамилии. Сам государь Николай II пожаловал ее своим посещением и остался доволен, сказав на прощанье много добрых слов княгине Тенишевой, сопровождавшей его по залам и дававшей объяснения о той или иной картине.

Однако в обществе из-за выставки началась буря. Одни ее приветствовали, другие с негодованием объявили ее «декадентской». Над новыми французами, а особенно над портретом Режан Боннара просто хохотали и издевались. Княгиня же получила титул «мать декадентства», совершенно ей не подходящий. Княгиня однажды сказала: «Художникам я приношу счастье». Видимо, она себя представляла по отношению к ним в роли заступницы. И очень многим ее покровительство помогло в трудные минуты. Александр Бенуа, например, ей многим обязан. Когда он решил стать художником, он имел уже семью, и получить художественное образование в Париже было для него нереальной мечтой, так как отец хотел, чтобы сын его был юристом. Александр Бенуа, его тогда все называли Шурой, пришел к Тенишевой и сказал, что ничего на свете он так не хотел бы, как поехать в Париж, чтобы стать художником. Мария Клавди-

евна назначила ему ежемес-сячную стипендию в течение трех лет и доверила заняться отбором самого лучшего, что есть на Западе для ее коллекции, предоставляя ему возможность распоряжаться крупными суммами денег, специально выделенных для этой цели.

Помогла княгиня чем могла ученикам Рисовальной школы в Петербурге, устроенной вместе с Репиным, чтобы талантливые, но не подготовленные еще к сдаче экзаменов в Академию художеств молодые люди из глубинки могли освоить азы. В Тенишевской рисовальной школе учились сын Репина Василий, Иван Билибин, Ефим Честняков. Сколько бы больших и добрых дел княгини Тенишевой мы ни вспомнили, но без того, что сделано ею для Смоленского края, рассказ будет неполным.

— Княгиня! К дню ангела я купил тебе имение, — однажды сказал жене князь Тенишев. Сбылась заветная мечта и Тенишевых, и княгини Екатерины Константиновны Святополк-Четвертинской, их преданного друга, женщины редчайшей душевной красоты, умной и предприимчивой. Она была владелицей Талашкина и упорными трудами превратила имение в райский уголок. Екатерина Константиновна с радостью передала Талашкино в руки своих друзей, оставшись в нем жить и вести хозяйство, как раньше. В последнее время ее часто донимали болезни, и она боялась, что в случае смерти имение достанется дальним родственникам, чуждым ей по духу людям, для которых Талашкино — только капитал, не более. Другое дело Тенишевы. Вот что думала о них Святополк-Четвертинская: «Могу сказать, что, проживши на этом свете много лет, я видела много богатств, употребленных на всякие прихоти, которым я не сочувствовала, но лучшего употребления своего состояния, как княгиней Марией Клавдиевной и князем В. Н. Тенишевым, я не встре-

чала, а потому, не имея семьи, я окончательно посвятила свою жизнь их делам».

Зиму Тенишевы проводили в Петербурге и за границей, а летом приезжали в Талашкино. Каждый имел здесь свое поле деятельности: Екатерина Константиновна занималась сельским хозяйством, конным заводом, Вячеслав Николаевич задумал большой труд по этнографии и часами сидел, запершись в своем кабинете, Мария Клавдиевна занялась созданием сельскохозяйственной школы.

Дело задумывалось грандиозное, цель его была беспримерно высокая — всерьез помочь крестьянам Смоленской губернии, прозябающим в нищете. В записках княгини читаем: «Как-то совместно было жить в нашем культурном Талашкине в убранстве и довольстве и равнодушно терпеть кругом себя грязь и невежество и непроглядную темноту. Меня постоянно мучило нравственное убожество наших крестьян и грубость их нравов. Я чувствовала нравственный долг сделать что-нибудь для них, и совсем уж было противно в разговорах со многими из богатых помещиков нашего края слушать, как эти люди, часто без милосердия притеснявшие мужиков, называли их «серыми», презирали, гнушались ими... Как много на Руси таких типов!.. Они думают, что крестьяне не люди, а что-то вроде полуживотных... Слепые, под неприглядной корой они проглядели то, что вылилось когда-то в былины и сказки и тихую, жалобно-горестную песнь о несбыточном счастье... Разыскать эту душу, отмыть то, что приросло от недостатка культуры, и на этой заглушенной, но хорошей почве можно взрастить какое угодно семья...»

Пригладевшись к жизни деревни, княгиня поняла, что беспросветная нищета крестьянских хозяйств происходит не от недостатка земли, как жаловались мужики, а от неумения на ней работать. Всякий, кто начинал трудить-

ся как следует, с любовью, подвергался общему злорадному третированию. Посеет кто-то капусту или огурцы — их вытопчут, сад разобьет, так плоды еще зеленые посывают с деревьев. Дети видели вокруг дурные примеры — пьянство, драки, воровство. Неужожено, неприглядно было все за пределами Талашкина, и сердце княгини сжималось от тоски и жалости: что-то надо делать, нельзя так все оставить. Так же думал молодой помещик Аркадий Кирсанов в романе Тургенева «Отцы и дети», проезжая по своим владениям: «Нет, небогатый край этот, не поражает он ни довольством, ни трудолюбием; нельзя ему так остаться, преобразования необходимы... но как их исполнить, как приступить?..» Княгиня знала, с чего начать, — для сельскохозяйственной школы нужны учителя. Взять их было негде — в России дело было новое, субсидий правительстве не давало, и Мария Клавдиевна открыла курсы плодоводства, садоводства и огородничества для учителей, пригласив профессора Регеля (кстати, учителя Н. И. Вавилова). С осени он дал указания, как разбить фруктовый сад, как взрыхлить землю, подготовить семена и рассаду. Весной, когда все прижилось и было готово, он приехал читать лекции. Слушателей было около тридцати человек из лучших учителей по рекомендации смоленского инспектора народных училищ.

Школу выстроили во Фленове, деревеньке, примыкавшей к Талашкину. На месте обветшавших построек выросло большое здание с просторными светлыми классами, общежитием, столовой, кухней. В старом липовом саду заужжали пчелы — здесь устроили пасеку, с наблюдательным павильоном, стеклянным ульем, выписанным князем Тенишевым из Германии. Позднее появился пчеловодческий музей, где собрано было все, что касалось этой области, до самых мельчайших

подробностей. В прудах стали разводить форель. Школьная библиотека получала ежегодно на сто рублей книг и журналов, специальных и беллетристических. Обходилось все это княгине очень дорого: от семи до пятнадцати тысяч рублей в год.

Желающих учиться в школе «доброй барыни» было очень много. Княгиня отбирала прежде всего сирот. С ними хлопот было меньше, как ни странно, чем с «домашними», поскольку плохо сказывалось на их воспитании влияние семьи. Однажды Тенишева дала им тему сочинения «Как я провел святки?». Многие написали: «Был в гостях у крестного, пил водку», «катался с гор, батяка дал горилки». Мария Клавдиевна старалась сократить дни каникул и все свободное время детей занимать пением, концертами, праздниками и театром. На Рождество и пасхальные каникулы она приезжала из Петербурга и даже из-за границы, чтобы устроить елку, поставить новый спектакль. В деревенском театре шли пьесы Гоголя, Островского, Чехова. На премьеры съезжались окрестные помещики в экипажах. Мест не хватало, стояли даже в проходах.

Когда ставили музыкальные спектакли, хором приезжал руководить капельмейстер из Большого театра. Из Петербурга приехал на постоянное жительство Василий Александрович Лидин (ученик В. В. Андреева, руководителя балаэчного оркестра). Лидин создал оркестр из мальчиков и девочек, которые по праздникам выступали с благотворительными концертами в Смоленске — в Народном доме, в зале Думы, в Дворянском собрании.

Когда в школе учеба налаживалась, задумала Мария Клавдиевна дать заработок крестьянкам, вынужденным бездействовать в долгие зимние вечера или уходить в город на фабрики, бросив семью. Многие из них были замечательными рукодельницами, умели вышивать, окрашивать ткани и

пряжу. У старух в сундуках сохранились образцы старинных узоров вышивки, набойки. Нехотя поднялись бабы и девки, с недоверием пришли в имение. А потом отбоя от них не было. За пятьдесят верст приходили и просили работу. Весь материал был местный, у баб покупали сукно, пряжу, холст. В талашкинских мастерских окрашивали нитки по старым рецептам; подбирали подходящие цвета, составляли рисунки для вышивки. Среди крестьянок много было настоящих художниц, с врожденным вкусом и богатой фантазией. Очень скоро от салфеток перешли к крупным вещам — драпировкам на окна, двери, скатертям, покрывалам для роялей, обивочным тканям для мебели, которую делали в столярных мастерских. До 2000 работниц из 50 деревень приходило в Талашкино на заработки. Зимой, не покидая избы, каждая

из них получала 10—12 рублей в месяц. И вскоре в округе трудно было найти поденщицу или прислугу — все женщины были при деле. Для сбыта продукции талашкинских мастерских княгиня открыла в Москве магазин «Родник».

Михаил Врубель был другом Тенишевой, он посоветовал ей пригласить Сергея Малютину в качестве руководителя кустарными мастерскими. Он был талантлив, но сказочная фантазия его работ была непонятна многим. Затравленный критиками, в нищете прозябал он с женой и детьми в Замоскворечье.

Три года он прожил в Талашкине. Княгиня построила ему и его семье дом по его проекту — резной и расписной терем. У Малютина был неуживчивый характер. Из-за чрезмерной подозрительности он со многими ссорился, постоянно чувствовал себя оби-

женным — самолюбие часто страдало. Однако с учениками он умел найти общий язык: те его хорошо понимали и быстро росли под его руководством. Талашкино как художественный центр прославилось во многом благодаря Сергею Малютину. А без Талашкина не было бы Сергея Малютина.

Княгиня Святополк-Четвертинская писала в своих воспоминаниях, что Мария Клавдиевна всегда спешила — отдыхать не любила, вела сразу несколько дел и до конца дней своих, в эмиграции, больная сердцем, работала. В трудах и заботах она находила свое счастье — и всегда была весела и бодра духом. Княгиня спешила создать музей «Русская старина». В ее доме все чуланы, чердаки и даже платяные шкафы были забиты иконами, пряничными досками, деревянной посудой, прялками, музыкальными ин-

Экспозиция тенишевского музея в Лувре. 1907 г.

струментами. Муж не разделял ее страсти к старине. А потому княгине приходилось тайком продолжать покупки, продавая иногда бриллианты.

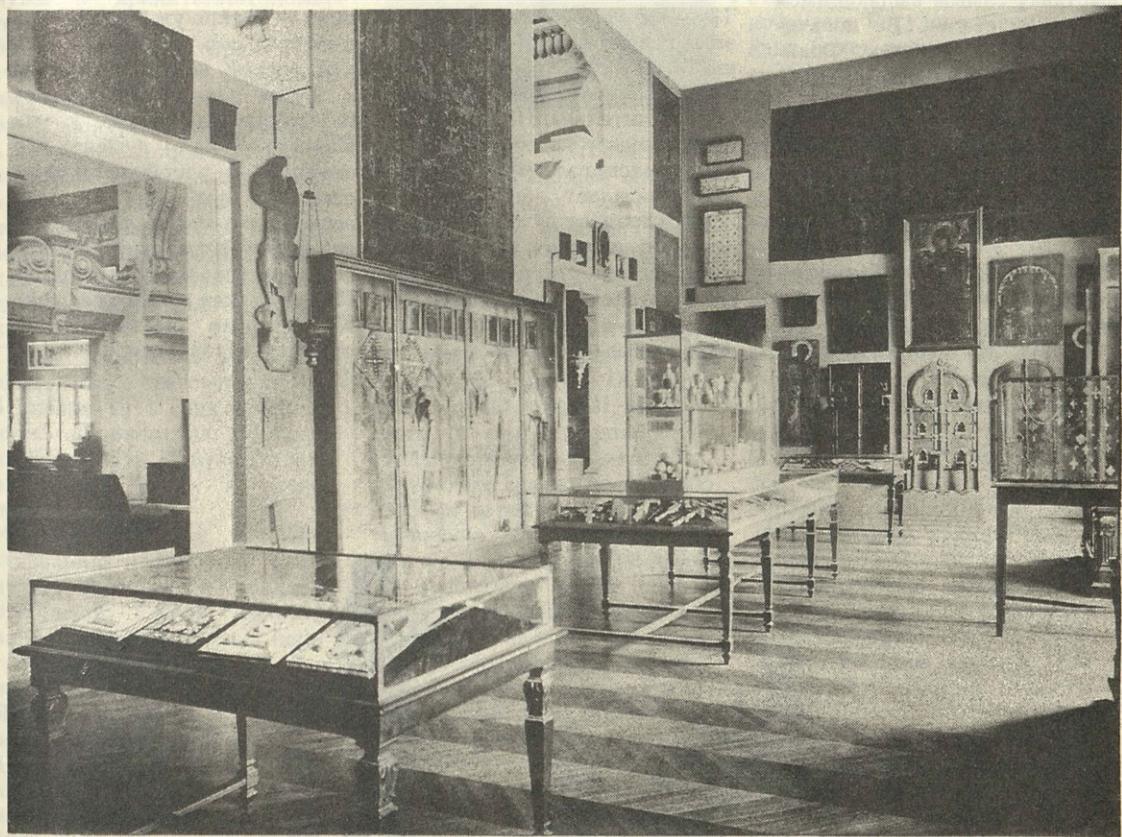
Даже умный и чуткий художник Александр Бенуа не понимал увлечения княгини русской стариной. Казалось бы, детство ее прошло далеко от всего русского, первые успехи, знания в искусстве приобретены на Западе. Именно знание западного искусства вызвало любовь к своему, родному, заброшенному народному творчеству. В нем княгиня увидела грандиозную летопись русского народа, вечно страдающего, но воплотившего самые прекрасные, самые несбыточные мечты о счастье в свое искусство. И больно было видеть к нему постоянное пренебрежение иностранцев и русских образованных людей. Одинокой почувствовала себя кня-

гиня на этом пути, но тем сильнее было ее желание заставить общество взглянуть на свое прошлое через народное искусство с любовью.

«За границей все воспето, все изучено, иллюстрировано, издано,— размышляла княгиня,— нам же, русским, поучиться негде и не на чем. До сих пор в России, у которой нет ни художественных изданий, где целые периоды русского искусства не нашли своих историков, а произведения выдающихся представителей русского мастерства еще не изданы,— до сих пор находятся люди, издающие за громадные деньги давно прославленные иностранные шедевры... Что мне иностранные мадонны XIII века? Что мне мраморные капители? Что мне затейливые произведения Бенвенуто Челлини?..»

Княгиня видела много коллекций и музейных собраний. И, используя свой опыт, при-

ступила к разработке концепции музея «Русская старина». Помощниками ее были профессор истории Владимир Ильич Сизов и Адриан Викторович Прахов, принимавшие непосредственное участие в создании Исторического музея в Москве. Сизов, впервые увидев целиком коллекцию княгини, был потрясен: он не мог поверить, что частное собрание может быть таким грандиозным. А потому с радостью взялся за составление программы дальнейших поисков всего, что касалось русской этнографии — и прежде всего смоленского региона, поскольку здесь княгиня финансировала археологические раскопки в Гнездове, одном из крупнейших курганов славянской культуры в Европе. Профессор Сизов сделал в Гнездове, расположенном в 20 верстах от Талашкина, немало находок, ценнейших для археологической

Экспозиция тенишевского музея в Лувре. 1907 г.

науки. Много материала дали экспедиции по древним художественным центрам России.

Благотворительный акт передачи музея «Русская старина» городу Смоленску состоялся в 1910 году. В Москве очень торжественно, при стечении всего ученого мира состоялось вручение княгине золотой медали из рук великого князя Александра Михайловича. А в 1912 году музей удостоился чести принимать в своих стенах членов царской семьи.

Революционная смута заставила на время увести музейную коллекцию в Париж. Знатки прикладного искусства отзывались о ней с восторгом, и вскоре княгиня получила от французского правительства приглашение показать ее публике. В Лувре для русского искусства были выделены четыре огромных зала и все витрины павильона Марсан. Газеты называли выставку самым выдающимся событием сезона. Ее посетило 78 тысяч человек. Французское правительство выразило княгине свою признательность торжественным вручением ей севрского бисквита Буше и присвоением звания деятеля народного образования во Франции.

Через год княгиня Тенишева показала Парижу изделия талашкинских кустарных мастеров. На выставке были

картины Рериха, акварели Билибина, эскизы церквей Щусева... Не избалованная успехом подобных выставок на родине, княгиня в последний момент заколебалась, испугавшись насмешек, иронических улыбок, недоуменных взглядов. Хотела уже закрыть выставку, заплатив за дорогие залы «рю Комартен». Но ее поддержали, уверили в успехе. Действительно, для французов было настоящим открытием все, что они там увидели, — ничего подобного никогда не было даже на международных выставках в Париже! К тому же все экспонаты продавались. И вскоре ни одного не осталось — все ушли не с пустыми руками. Выставку посетила Сара Бернар и многие другие парижские знаменитости. Год спустя влияние русских сарафанов, головных уборов, рубах, зипунов сказалось на туалетах парижских дам. Появилось даже название «блуз рюс».

Трудная задача рассказать о делах Марии Клавдиевны Тенишевой. Хроника событий ее жизни невероятно богата и значительна. Не могут собрать деньги на реставрацию Новгородского кремля — княгиня посылает деньги. Смоленск страдает от пожаров — покупает и дарит городу пожарную машину, в крестьянском хозяйстве пала лошадь — дает деньги на лошадь. Во время войны устраивает в име-

нии лазарет, выписывает рентгеноаппарат. Следит сама за лечением, питанием, настроением солдат, каждому при выписке выдает денежное пособие. Заводская администрация притесняет рабочих, княгиня становится их заступницей. Балалаечный оркестр ее учеников дает благотворительные концерты для вдов и сирот.

Если бы в смутное для России время было бы больше таких созидателей, таких горячих патриотов, как княгиня Тенишева, может быть, беда обошла бы нашу родину стороной. Многие спохватились потом, но было уже поздно, классовая борьба началась.

Каждый день приносил страшные новости: издательства над священником, поджог усадьбы. Много горя пережила в эти дни княгиня, если о своем любимом Талашкине вырвались у нее слова: «Талашкино мне опостылело...» Перед отъездом в Париж — теперь уж навсегда — смотрела она из окна с горькой тоской на племенеющий в зареве заката крест нового, построенного ею храма Святого Духа и думала: что принесет с собой наступающий 1917 год? Так хотелось верить, что смута пройдет и все будет как раньше. Но почему так тревожно на сердце? Почему закат такой красный? Как горько уезжать, как страшно оставаться.

